

ницы самой строки. Двенадцать из двадцати четырех современных букв антиквы — **b, d, f, g, h, i, k, l, p, q, t, u** (а вместе с бытовавшим до конца XVIII в. длинным **ī** — тринадцать) — обладают этими выступающими элементами, сполна обеспечивая строке четырехлинейное восприятие ее глазом; применяемые в ряде языков диакритические знаки (**â, á, â, ä, e, ĩ, õ, ü ç, š, č, ž, à** и т. д.) повышают процент четырехлинейных элементов.

Другим ведущим приемом является, как уже отмечалось выше, нарочитое отклонение очертаний ряда прописных букв от соответствующих строчных (в современном латинском шрифте — в 14 случаях, частично не совпадающих с только что приведенным рядом). Это тоже служит более быстрому различению глазом, т. е. позволяет писать мельче.

Сразу же отметим, что в церковнославянском шрифте (полууставной кириллице славянских изданий XV—XVII вв.) оба этих признака были выражены крайне слабо, в гражданском же шрифте оба они находят полное воплощение. Правда, в некоторых церковнославянских шрифтах, казалось бы, тенденция к прорыву двухлинейности выражена весьма резко и, например, хвосты у **д, з, р, ф, х, ц, ч** нарочито удлинены;⁷ однако выгоды этого в значительной мере парализуются тем, что обилие надстрочных знаков (силы, титлы) вместо разнообразия верхних элементов создает дополнительный ряд однообразных значков над каждым почти словом.

Есть, однако, еще одна сторона дела: медлительность написания и недостаточная четкость (в смысле быстрочитаемости) кириллицы. Они связаны с самим построением букв, восходящим к временам письма каламом или кососрезанным нерасщепленным пером. Крайне мало плавных переходов от одного графического элемента буквы к другому; строка представляет собой (почти как в «текстуре») шеренгу чередующихся широких «черных» вертикалей и тончайших светлых (волосных) наклонных или горизонтальных линий. Достигаемая при этом искусным писцом красота облика страницы заключается как раз в нахождении безошибочного ритма чередований вертикальных «теней» и «светов» при сознательном введении вариантов отдельных букв во избежание однообразия.⁸ Формальный художественный эффект достигался великолепный — но явно за счет четкости (в готических шрифтах в этом же направлении воздействовало органически им свойственное обилие так называемых контракций, отмечаемых надстрочными значками; сравни сказанное только что о титлах в кириллице; обилие же лигатур создавало большой простор писцу для оживления картины строки).

Уже в «каролингском» минускуле, в большей же мере в гуманистической антикве, а особенно в антикве печатной, принцип построения буквы (а тем самым и сложения строки) совершенно иной. Он органически связан с писанием острым, но расщепленным пером и заключается в том, что при значительном преобладании кривых и почти полном исчезновении изломов в очертании буквы переходы от черных частей к светлым совер-

⁷ Среди трех гарнитур полуустава, приведенных в Букваре Ф. Поликарпова 1701 г., доля букв с выступающими элементами составляет соответственно 33, 20 и 27%, а за вычетом тех букв, которые не вошли в гражданский алфавит или не удержались в нем, — еще меньше, тогда как в вышеприведенном сопоставлении букв антиквы она достигает 50—54%.

⁸ С чисто графической точки зрения именно этот характерный для готической текстур принцип ритмического чередования темных вертикалей и просветов нашел себе в славянских рукописях (и первопечатных изданиях) особенно полное воплощение в письме вязи (на что, как кажется, доныне не было обращено достаточного внимания, равно как и на генетическую связь изобретенного Г. Скориною шрифта с «вертикальностью» и узорностью вязи).